УДК 340.15

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ КОНЦА XVI – XVII ВВ.

Яхьяев Муслим Русланович преподаватель общеобразовательных и правовых дисциплин, Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции «Российская правовая академия Министерства юстиции России»
(367008, Россия, г. Махачкала, ул. Агасиева д. 87)
E-mail: adako28@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье предпринята попытка анализа совокупности отдельных нормативных актов, принятых в царствования Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Лжедмитрия и Василия Шуйского. Прежде всего, этими властителями были предприняты меры по восстановлению в стране правосудия, полностью нарушенного в период проведения царем Иваном IV опричных мероприятий. Разделение земли на опричную и земскую половины, многочисленные переселения, коснувшиеся не только крестьян, но и помещиков, привели «к запустошению земель», падению урожайности и массовым социальным столкновениям. В последующие годы было немало сделано для восстановления в государстве законности и социального согласия. Не всё удалось, но принятые в этом направлении нормативные акты (указы, приговоры, Соборные уложения) заслуживают внимательного прочтения и изучения, тем более, что в историко-юридической литературе этому корпусу законодательных актов никогда не уделялось внимания, а, между тем, они оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие права в России.

Ключевые слова: *нормативные акты, судебники, указы, приговоры, Соборные уложения, законодательство, кабальные сделки, вотчины, поместья, приказ Холопьего суда, крестьяне, холопы.*

Конец XV – начало XVII вв. ознаменовались большим подъемом законодательной инициативы. В 1497 г. был принят великокняжеский Судебник, создавший общее законодательство для всей территории, объединенной под единой властью великого князя Московского Ивана III. Через 53 г. принимается еще один свод законов, известный как царский Судебник, отразивший новые реалии, возникшие в связи с формированием в России сословно-представительной монархии.

Судебник 1497 г. создал единую для всей государственной структуры систему судебных органов; но активно проводимая правительством Ивана IV в 50-х гг. XVI в. губная и земская реформы изменили порядок формирования, структуру и полномочия местных органов власти, в том числе и судебных учреждений, соответствующих уже сословно-представительной монархии, связав центральный и местный аппарат власти, управления и суда в единый государственный организм, обеспечив участие в местном управлении и судопроизводстве «не только уездного дворянства…, но и представителей посадов и крестьянских миров» [1. С. 14 – 15].

Судебник 1550 г. зафиксировал изменения, произошедшие в формировании и деятельности местной судебной власти. «Приговор царский о кормлении и службе» 1556 г. признал неэффективным наместничье управление и судебную деятельность, стимулируя дальнейшее развитие выборных местных органов власти и суда по всей территории страны.

В области государственно-правового строительства существенное значение имела ст. 98 Судебника 1550 г., придавшая законную силу обычаю, определявшему процедуру законодательства в государстве по формуле: «по государеву и великого князя указу и по боярскому приговору» [2. С. 123]. В Судебнике 1550 г. этот обычай был нормирован следующим образом: «А которые дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева докладу и со всех бояр приговору вершатся, и те дела в том Судебнике приписывати» [3. С. 120].

В 1551 г. состоялся Церковно-государственный Собор, названный Стоглавом, принявший ряд мер по оптимизации церковно-монастырского устройства и быта.

В середине и второй половине XVI в. было подготовлено и принято несколько существенных нормативных актов, регулирующих военное устройство, сословные отношения и уголовно-репрессивную политику государства: Приговор о разбойных делах (1555 г.); Указ о татебных делах (1555 г.); Приговор о губных делах (1556 г.); Указ о распределении воевод по полкам (1550); Приговор государев о воеводах (1556 г.); Приговор о лжесвидетельстве и ложных исках (1582 г.) и целый комплекс законодательных положений о холопах, вошедших в Указную книгу приказа Холопьего суда [4. С. 29, 30, 33, 36, 37, 39 и др.] и др.

За короткий срок была создана весьма важная нормативная база обеспечивающая дальнейшее государственно-правовое строительство.

Высокий уровень российского законодательства был отмечен и иностранцами, посещавшими Московское государство в этот временной период [5. С. 118 – 119]. Однако во второй половине XVI в. процесс государственно-правового строительства и правоприменения был деформирован, введением царем Иваном IV террористического политического режима в виде опричных мероприятий. Опричнина оказала отрицательное воздействие на процесс правоприменения и общее состояние правосудия в государстве. Современники отмечали полное попрание правосудия, распространение внесудебных расправ и объективного вменения, применяемого к лицам, не имевшим никакого отношения к событию преступления. А. М. Курбский отмечал, что в это время в стране были «опровергнуты все законы и уставы святые», а постоянно инспирируемое царем «кровопролитие неповинных» с истреблением их без суда и следствия, привело к бесчисленным злодеяниям, причем исполнение бессудно назначаемых наказаний производилось не чиновниками-палачами, а самим царем и его сообщниками [6. С. 558; 7. С. 104]. «С темными безобразиями опричнины» Курбский связывал не только нарушение правосудия, но и общий упадок в делах государства.

Такая ситуация привела к «искоренению правды», падению нравственных устоев и распространению ложных доносов и «братоненавидения». И. Тимофеев и А. Палицын обвиняли весь народ в «бессловесном молчании», вызванном «страшивством» за свою жизнь, близких людей и сохранность имущества [8. С. 35; 9. С. 39].

Иностранцы, посещавшие Россию в период опричнины, обращали внимание на повсеместное нарушение законов и отсутствие правосудия. Джером Горсей подчеркивал, что царь не считался ни с обычаями, ни с законами страны, «разрывая их как тонкую нить» [10. С. 63]. Наёмный опричник Генрих Штаден вспоминал, что люди в стране жили не по законам, а исключительно подчиняясь своеволию тирана. Судебная процедура в государстве отсутствовала, а бесчинствам опричников не было предела [11. С. 485, 458 – 459].

Если к моменту введения опричнины (1564/1565 гг.) общий уровень развития права и правовой теории был достаточно высоким, а правосудие осуществлялось по законам и обычаям, то реализацией опричных мероприятий, Иван Грозный разделался со всеми достижениями в этой области.

Однако форму правления царю изменить не удалось: Боярская дума и земские соборы продолжали функционировать, но опричный политический режим оказал на нее деформирующее воздействие, от которого в первую очередь пострадало правосудие. Государев дьяк Иван Тимофеев, подводя итог царствованию Ивана IV, пришёл к выводу, что оно

обесчестило державу, лишило силы её народ и поставило страну на грань катастрофы, сделав ее легкой добычей для иностранцев [8. С. 27].

После смерти Ивана Грозного во всех последующих царствованиях было заметно стремление к восстановлению законности и правосудия в государстве. Федор Иоаннович и Борис Годунов, осуществлявшие верховную власть накануне гражданской войны и Смуты, а Василий Шуйский во время трагических событий «московского разорения», принимали серьезные меры к восстановлению правовых форм общественной жизни, особенно в области уголовно-репрессивной политики. В период их царствований было принят ряд нормативных актов, целью которых было восстановление «пошатнувшегося» правосудия.

К сожалению, это законодательство не оказалось в ракурсе исследований современной историко-юридической науки; и более того, о нем даже нет упоминания в программах и учебных курсах по дисциплине «История государства и права России», несмотря на оказанное им влияние на общий процесс развития права и, особенно, формирование принципов реализации правосудия в России.

В царствование Федора Иоанновича законодательную деятельность связывают с именем, выдвинувшегося при этом царе, в роли правителя Бориса Годунова [8. С. 56], показавшего «зело порассудительнее к народу промудрование» [12]. Современники отмечали, что Борис Годунов предпринял серьезные мероприятия по искоренению взяточничества в судебной системе, установив порядок, при котором «все судьи должны были довольствоваться годовым жалованьем и землями, которые они получают от императора» [13. С. 241]. Иван Тимофеев писал, что Борис Годунов неотступно преследовал взяточников и, обнаружив тех, «кто насиловал маломощных с гневом немедленно наказывал» [8. С. 63]. Преследование за взятки судей и государственных чиновников заметили не только соотечественники, но и иностранцы. Исаак Масса в своих воспоминаниях писал, что Борис Годунов «был великим врагом тех, которые брали взятки и подарки, и знатных вельмож, и дьяков он велел предавать за это публичной казни», – но, к сожалению, заметил Масса, – это не помогало» [14. С. 84].

При Федоре Иоанновиче был принят также ряд нормативных актов, регулировавших положение холопов и крестьян, в целях достижения стабильности в социальном устройстве государства.

Так, 25 апреля 1597 г. по государеву указу было принято «Уложение о полном, докладном, кабальном и добровольном холопстве». Этот нормативный акт представлял перечень холопской службы: полной, докладной и добровольной, а также содержал свод правил, согласно которым допускалось заключение кабальных сделок, и получение вольной, лицами холопского состояния. Кабальные сделки, согласно Уложению, подлежали не только письменному оформлению, но и обязательной регистрации в соответствующих кабальных книгах, хранящихся в «суде Холопьего приказа», за подписью соответствующего дьяка. (Процедура, представляющая прообраз нотариального удостоверения). Заключение договора должно быть оформлено письменным регистрационным удостоверением, выдаваемым владельцу холопа. В случае возникновения споров по сделкам, предлагалось решать их в суде Холопьего приказа.

При утрате крепостей (бумаг, удостоверяющих заключение кабальных сделок), ввиду пожара или иных каких-либо непредвиденных обстоятельств, предписывалось их обязательное восстановление по всей, предусмотренной Уложением, форме. Правила действовали с момента введения Уложения в законную силу.

Отпускные холопам, данные хозяевами в прежние годы (до Уложения), объявлялись действительными, и все отпущенные по ним холопы считались свободными людьми.

При обнаружении холопской службы на добровольных началах, дьяки приказа Холопьего суда, должны были немедленно принимать меры к ее оформлению. При отсутствии подобного желания со стороны, добровольных холопов, они могли быть отпущены «на волю», но только в том случае, если они прослужили у господина не более пяти-шести

недель, а если срок их службы равен половине года и более, то «на тех вольных людей служилые кабалы давати, и челобитья их не слушати, потому что тот человек добровольного холопа кормил, и одевал, и обувал» [4. С. 64 – 66].

В случае наличия двух кабальных договоров на одного человека, действительным считается первый из них.

Для заключения полного и докладного кабального договора требовалось участие «постельничего и намесника трети Московские Истомы Безобразова».

Уложение содержало также правила о том, при каких условиях члены семьи кабального человека также становятся холопами, а при каких обстоятельствах, они остаются свободными людьми. Оно также преследовало цель введения единых правил оформления сделок по принятию людьми холопского состояния и выхода из него; установления стандартных письменных документов на все виды кабальных сделок, регламентации судебного рассмотрения споров по всем надлежаще оформленным договорам.

Уложение оказало существенное влияние на практику заключения и расторжения всех видов кабальных сделок, и содержание дальнейшего законодательство по этим вопросам.

Другим правовым документом, принятым в царствование Федора Иоанновича, стал «Указ о праве иска о крестьянах, бежавших не далее пяти лет до 7106 г.», принятый 24 ноября 1597 г., которым впервые в России вводился срок давности по «сыску беглых крестьян». Указ утверждал судебный порядок «сыскивания» и возвращения беглых крестьян своим владельцам. «Сыскивать» разрешалось только крестьян, «выбежавших» от владельца не более как за пять лет до принятия этого нормативного акта. Крестьяне, оставившие своих помещиков «семь, десять и более лет…» возврату не подлежали. На них «суда не давати, и назад их, кто, где жил, не вывозити». Помещикам, утратившим пятилетний срок давности по искам о возращении своих крестьян, предписывалось «отказывати в суде». Обратная сила данному акту не придавалась, поскольку точно указывался срок, в течение которого владелец мог требовать возвращения своего беглого крестьянина [4. С. 66 – 67].

Весьма интересным является принятый Борисом Годуновым «Указ об установлении твердой цены на хлеб и борьбе со скупщиками хлеба», введенный в 1601 г. В указе речь шла о северных районах: Соль Вычегодском, Усольском, Вологодском. Двинском и Вятском, в которых голод, по-видимому, уже свирепствовал в этом году. Адресатами указа были местные власти: волостные старосты, целовальники, судьи и таможенные чиновники, которым предписывалось препятствовать всем владельцам зерна «затворять у себя хлеб… для своей корысти, хотя хлебною ценой дорогою обогатеть», для чего они «воровством цену вздораживают», а также скупают у крестьян хлеб на дорогах «за версты две от ярмарки» с тем, чтобы не допустить их на торги, а затем продать этот хлеб самим по более высокой цене.

Борис Годунов предпринял меры к пресечению спекуляции хлебом, введение государственных цен («заповедных» или «уставных»). Местные власти обязывались регулярно оповещать население подконтрольных им местностей о правительственных ценах на хлеб. За допущение превышения «уставной» цены взыскивался немалый по тем временам штраф: «пять рублев» с человека. Местные власти получили указание следить также и за покупкой населением хлеба, допуская не более, чем «по три чети» [15] на человека.

Указ предусматривал и введение определенных мер, сдерживающих не целевое расходование хлебных злаков в голодные годы. Крестьянам и вообще «всяким людям» предписывалось «пив и вин не варить»; продажу «хмельного зелья» в корчмах запретить. Однако это запрещение не носило тотального характера, ибо в указе предусматривалась возможность для населения «сварити не от многа вина и пива на великие нужи»: праздники: свадьбы, поминки и родины, но и в этих случаях действовать «с великим береженьем».

Указ Бориса Годунова разрешал несколько проблем: устанавливал государственный контроль за расходованием хлебных злаков; вводил государственные «заповедные или уставные» цены на хлеб; преследовал в уголовном порядке спекулянтов, вплоть до заключения их в тюрьму; определял нормы покупки хлеба на одного человека; содержал требование

сокращения производства хмельных напитков, сырьем для которых являлись хлебные злаки [4. С. 67 – 68]. Указ продуман, разумен, санкции чётко определены и ясно изложены.

Согласно Судебникам: 1497, 1550 крестьяне имели право выхода от владельца земли один раз в году за: «неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после Юрьева дня осеннего». В 1581 г. еще при Иване IV, были введены «заповедные лета» на неопределенный срок: «до государеву указу». И. А. Исаев высказывает предположение, что этот гипотетический указ (текст не найден) полностью запретил выход крестьян от своих владельцев [16. С. 111]. Однако, невозможность прокормиться людям в ряде местностей, в связи с жестокими неурожаями, наступившими в 1601 г. и продолжавшимися включительно по 1603 г. вынудили Б. Годунова изменить запретительную практику, разрешив служилым людям (помещикам) вывозить крестьян, из неблагополучных мест, но не более двух человек [4. С. 70]. Сроки вывоза, также как и выхода, оставались неизменными: «Юрьев день осенний да после Юрьева дня две недели». Пожилое устанавливалось в твердой сумме: «за двор по рублю и два алтына». Этот указ был принят Б. Годуновым в 1601 г. и, по-видимому, имел срочный характер, поскольку он был продлен на тех же условиях в ноябре 1602 г. [4. С. 70 – 71].

Но голод захватил и 1603 г. В результате жесточайшей бескормицы, появились крестьяне и холопы, отпущенные или даже изгнанные своими господами из-за невозможности их прокормления. Эта ситуация приобрела массовый характер и потребовала правительственного вмешательства и нормативного ее разрешения.

Многие выгнанные холопы и крестьяне двинулись в города и питались там, раздаваемой Борисом Годуновым милостыней. Хозяева этих людей их просто выгоняли за неимением средств на их содержание, не давая им ни отпускных, ни крепостей, и их «нихто не мог принять». Годунов приказал «приказу Холопьего суда» всем таким людям давать отпускные, «чтобы те холопи голодом не померли», для чего дьякам этого приказа вменялось в обязанность «кликать тех холопей не по один день», призывая их в «приказ Холопьего суда» для получения отпускных [4. С. 71 – 72].

Последним сохранившимся нормативным актом, принятым Борисом Годуновым, был «Соборный приговор о сборе служилых людей для борьбы с Лжедмитрием и введение правил посылки ратных людей в походы». Этим указом устанавливались нормы предоставления людей на войну «с поместий и вотчин». В случае невозможности пойти на войну самому боярину или дворянину или их сыновьям: заняты по службе «в приказех и городех судейства и управления ради», или больны, то они обязаны «слати холопа от двухсот четвертей с конем и полным доспехом и запасом коему граду куды идти велено будет». Но предусматривались и исключения. От службы освобождались: раненые и увечные, отпущенные из полков и, вышедшие из плена (последних оставлять дома на два года). Причем, в связи со сложной военной ситуацией в стране, обязывались поставлять «холопей, годных на службу», не только светские феодалы, но также «митрополиты, и архиепископы, и епископы, и монастыри».

Предусмотрена и санкция за неисполнение этого соборного приговора: у вотчинников и помещиков: «со скольких четвертей [земли] службы не будет, толико четвертей взяти и отдати беспоместным и малопоместным, кои служат, детем боярским и иных чинов людям». Церковно-монастырские иерархи в случае непоставления ими годных для воинской службы холопов, должны будут заплатить «с отчин того владыки или монастыря за всякого человека… по пятнадцати рублев». В том случае, если у митрополита или архиепископа, и епископа не имеется столько слуг, сколько положено по расчету их земельных угодий, то «по гривне за четверть и давати те денги служилым людям, коли война есть; а коли войны ни откуда же, ино людей и денег не брать» [4. С. 72 – 73].

Других указов, принятых Борисом Годуновым не сохранилось, но они, безусловно, были, поскольку автор «Нового летописца», а также многие современники свидетельствовали, о мерах, принимаемых им по борьбе с взяточничеством, устроении правосудия,

борьбе с голодом и моровым поветрием и обеспечению людей работой в городах в голодные годы [17. С. 55].

Указы Годунова отличаются продуманностью, четким изложением правила, за нарушение которого предусматривалось определённое наказание. В них присутствует дух равенства и справедливости, отмеченный современниками этого царя. Содержание указов Годунова оказало воздействие на последующие узаконения, принимаемые Лжедмитрием 1 и Василием Шуйским.

В короткое (одиннадцатимесячное) царствование Лжедмитрия обстановка в стране не претерпела существенных изменений и перед властью стояли все те же проблемы. Указы, принятые Лжедмитрием, во многих положениях повторяли содержание указов Федора Иоанновича и Бориса Годунова.

Так, Самозванец повторил нормативное правило, изложенное в «Уложении о полном, докладном и кабальном холопстве», принятом Федором Иоанновичем в 1597 г., запрещающее составлять служилые кабалы на двух господ [4. С. 73]. Лжедмитрий ограничительно истолковал и другое положение этого же Уложения, уточнив возникновение холопского состояния, в результате личного заключения договора о добровольном холопстве и только на лицо, заключившее договор («на себя»), исключив возможность распространения его действия на членов его семьи. По смерти закабаленного человека помещик или служилый человек (держатель кабального договора) не получал права на наследование родственников покойного холопа. Повторив это правило, Лжедмитрий внес в него и еще одно ограничение, указанием о точном оформлении подобной сделки с обязательным внесением в ее письменный текст данные лица, заключавшего договор, с тем, чтобы избежать кривотолков при судебном рассмотрении дел о судьбе членов его семьи. Более того, предусматривалось внесение этого нормативного правила в действующий Судебник.

Принятый Лжедмитрием «Указ о возвращении прежним владельцам беглых крестьян, кроме ушедших в голодные годы от бедности» содержал ту же смысловую нагрузку, что и указ Бориса Годунова «О выдаче отпускных грамот холопам, владельцы которых, изгнали их во время голода, без оформления отпуска на волю» от 16. VIII. 1603 г. Лжедмитрий уточнил правовую основу обращения в суд помещиков и вотчинников с требованием возвращения беглых крестьян, прибегнув, в данном случае, к расширительному толкованию. Помещики и вотчинники утрачивали право на возвращение ушедших от них крестьян (без отпускных) в том случае, если те «сбрели от бедности» от них, «потому что им прокормиться было не мочно»; в этом варианте суду надлежало оставлять их за «тем [помещиком или вотчинником] хто его в голодное время перекормил», а истцу, который не сумел его «перекормити в голодные годы» надлежало отказывать.

Право на возвращение беглых крестьян и холопов получали те их владельцы, от которых крестьяне бежали «до голодных годов» в другие города, именья и вотчины, черные села в поисках лучшей жизни. Однако во всех случаях, при обращении в суд с исками о возврате беглецов, предусматривалось тщательное расследование причин и обстоятельств побега: расспрос свидетелей и привлечение всех возможных по делу доказательств в целях установления истины [4. С. 71 – 72, 73 – 74].

Приговор завершался требованием внесения всех правил, регламентирующих условия возврата беглых крестьян и холопов, в книги «приказа Холопьего суда» и разрешения спора, возникшего по поводу возвращения беглых, только в судебном порядке. К производству рекомендовалось принимать дела, по которым «прежние кабальные сделки «записаны в книги» и только «тем верити». Однако содержалась и оговорка: при установлении о том, что кабала взята «сильно», т. е. насильственно и этот факт подтверждался при судебном рассмотрении иска, то в этом случае лицо насильственно обращенное в кабалу, возврату не подлежало.

Р. Г. Скрынников высказал предположение, что этот указ Лжедмитрия имел политическую окраску, поскольку касался «крестьян рязанской, тульской и черниговской окраин,

активно участвовавших в пользу самозванца» [18. С. 433 – 434]. Но в самом тексте непосредственно эти губернии, как раз не упоминаются. Географический ареал действия указа очерчен довольно широко: «А которые бежали… в дальние места из Замосковных городов на Украины, а с Украины в Московские городы, или из города в город, верст за двесте, и за триста и болши…». Так что непосредственная помощь повстанцам из текста не усматривается, хотя возможно такие мотивы и имели место.

Лжедмитрий, вероятно, имел в виду облегчение участи, и может даже предоставление определенной помощи, беглым крестьянам, бежавшим от своих владельцев, спасаясь от голодной смерти, и даже некоторым помещикам малого и среднего достатка, которые те годы тоже разорялись и бедствовали сами, и многие из них пополняли ряды повстанцев, но непосредственно в тексте этого указа таких сведений не имеется. Указом вводилось строгое правило, предусматривающее рассмотрение всех споров о возвращении беглых крестьян и холопов только «по суду Холопьего приказа» с проведением розыска и расспроса свидетелей, в целях выяснения обстоятельств оставления ими своих хозяев. При рассмотрении дела, определяющее значение имели письменные документы по оформлению кабальных сделок; при отсутствии таковых, право владельца признавалось не подтвержденным и ему надлежало в иске отказывать; во внимание принималось также добровольное, а не насильственное заключение кабальных сделок. Последнее требование было направлено против участившихся самовольных захватов крестьян, как правило, богатыми вотчинниками у менее состоятельных помещиков, а также недобровольное превращение в военных холопов, обедневших дворян и детей боярских.

Лжедмитрий обещал народу принять новые, справедливые законы, но не успел. Исследователями до настоящего времени не установлено, кем был составлен Сводный Судебник 1606/1607 гг. Наибольшее распространение получило мнение о том, что работа над ним началась еще при Лжедмитрии, а закончилась уже при Василии Шуйском.

Существенный, и можно сказать, принципиальный вклад в обновление существующего законодательства, был внесен царем Василием Шуйским (1606 – 1610 гг.).

В 17 мая 1606 г. Лжедмитрий был свергнут благодаря заговору, возглавляемому Василием Шуйским. Боярин и князь Василий Шуйский происходил из древнего рода, возводимого непосредственно к Рюриковичам. В царствование Ивана Грозного он был одним из немногих, кто не был замечен в связях с опричниной, и не надел опричного мундира. В царствование Лжедмитрия князь Василий проявил недюжинную смелость, возглавляя заговор против самозванца, но был предан кем-то из заговорщиков, разоблачен и приговорен к смертной казни. Голова его уже лежала на плахе, когда поступил сигнал о его помиловании Самозванцем. Однако боярин не испугался и вновь составил заговор, закончившийся, на этот раз, свержением Самозванца

«По убиению Ростригине начали бояре думати, как бы сослаться со всею землею», для того, чтобы «по совету выбрати на Московское государство государя, чтобы всем людям был». Но в из-за «неунятия крови хреситьянской», т. е. восстаний, распространившихся на значительную часть территории страны, люди, созванные «ото всех городов и весей», приехать не смогли. Тогда на четвертый день ожидания, бояре «умышляя по совету» между собой, выбрали князя Василия Шуйского и «нарекоша его царем… не токмо, что советовав со всей землею, да и на Москве не ведяху многие люди» [19. С. 69].

Вступив на престол, новый царь Василий Шуйский на Соборной площади Кремля в Церкви Пречистая Богородицы целовал крест и поклялся перед всем народом в том, что он обязуется «ни над кем ничего не зделати; а будет сын виноват, отец тово не ведает, и отцу никакова дурна не зделати; а которая де была грубость при царе Борисе никак никому не мститель». Клятва Шуйского вызвала удивление и «бояре и всякие люди ему говорили; чтобы он в том креста не целовал, потому, что в Московском государстве тово не повелося. Он же никово не послущал и поцелова крест на том всем. Потом бояре и всякие люди поцеловаша ему крест, а со всею землею и з городами о том не ссылалися». Далее летопи-

сец сообщал, что по повелению царя народ по всем городам приводился к крестному целованию с зачтением Клятвенной записи (Крестоцеловальной, Подкрестной) [19. С. 69].

Содержание обязательств, данных Василием Шуйским народу, были значительно шире тех, что записаны в Новом летописце. Царь поклялся, что «всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати» и не отнимать «вотчин дворов и животов… у братии их и у жен и у детей… которые с ним в мысли не были». Не только подданные российской короны, но и ее гости также будут наказываться только по приговору суда и «по своей вине». Во всех случаях обвинение будет тщательно расследовано, а обвиняемый встанет перед судом «с очи на очи», с предоставлением ему права давать суду объяснения. Шуйский заверял своих подданных в том, что практика заочных обвинений и объективного вменения будет полностью прекращена в его царствование. Царь также обязался: не слушать ложных доносов и подвергать наказанию за ложный донос, причем лжец будет осужден по тому же обвинению, какое «он возвел не поделно» на невиновного человека; не подвергать никого опале; не выдавать недругам «в неправде», оберегать всех подданных «от насилства».

Шуйский полагал, что принятием таких обязательств он гарантировал восстановление законности и правосудия в стране и принятие мер к тому, чтобы «православное христианство без вины не гибло бы» [20. С. 102; 21. С. 68 – 69].

Дореволюционные ученые-правоведы и историки высоко оценивали содержание Подкрестной записи. Б.Н. Чичерин полагал, что в ней созданы условия, «обеспечивающие праведный суд для людей всех состояний» и сравнивал ее с Великой хартией вольностей, требующей, «чтобы ни один свободный человек не был взят и наказан иначе, как по суду равных или закону земли. И бояре, как великие бароны, хотели правосудия для всех; но суд они предоставили исключительно себе, а земля им не доверяла. За Великую хартию англичане бились несколько веков, запись Шуйского не возбудила ни малейшего сочувствия» [22. С. 368], что и было подтверждено летописцем на момент произнесения клятвы новоизбранным царем, однако, в последствии все стало выглядеть иначе, и эта Запись оказала большое влияние на формирование целого ряда нормативных актов и формирование самосознания русских людей в период Смуты, гражданской войны и нашествия интервентов.

Мнение В.О. Ключевского о Подкрестной записи более демократично нежели Б.Н. Чичерина, он усматривает в ней политическую декларацию царя и, одновременно, важный юридический акт. В этой Записи, – отметил историк, – царь Василий Шуйский принародно отрекся от прерогативы Ивана IV жаловать и казнить своих холопов по своей воле, а не по суду. «Клятвенно стряхивая с себя эти прерогативы, Василий Шуйский превращался из государя холопов в правомерного царя своих подданных, правящего по законам» [23. С. 36 – 37]. Факт принятия Василием Шуйским Подкрестной записи такого содержания, В. О. Ключевский рассматривал как «целую эпоху в нашей политической истории», а сам «обет» (клятву – М. Я.), как «небывалую новизну» [24. С. 365, 367], знаменующую собой «первый опыт построения государственного порядка на основе формально ограниченной верховной власти». Подкрестная запись превращала Василия Шуйского «из государя холопов в правомерного царя своих подданных, правящего по законам» и, призывающего «к участию в своей судной расправе не Боярскую думу…. а Земский собор» [23. С. 35 – 36]. Этот «поступок Василия Шуйского показался боярам революционной выходкой» [23. С. С. 35 – 36].

В.О. Ключевский заметил, что все обязательства, данные царем от имени верховной власти, не были полными, поскольку касались только «судных дел», но необходимо учитывать, что организация суда и отправление правосудия являются одной из важнейших функций государственной власти, причем отсутствие правосудия в течение длительного времени, было чрезвычайно болезненным и, более того, опасным, для всех сословий русского общества и состояния самого государства.

С.Ф. Платонов, хотя и находит сходство Подкрестной записи с Великой Хартией вольностей, но считает, что ее содержание отвечало, прежде всего, интересам феодалов и имущих верхов. Однако непосредственно из текста Подкрестной записи усматривается, что Василий Шуйский обращался ко всем подданным Московского государства, в том числе торговым людям, гостям и всему прочему народу. С. Ф. Платонов полагал, что такое обращение было вызвано только лишь политической предусмотрительностью Шуйского; ей же определялось и желание (и предпринятая попытка) вовлечь Земский собор в управление государством и решение судебных дел [25. С. 228 – 229]. Следует заметить, что, несмотря на всеобщее недоверие, отмеченное летописцем, в момент произнесения клятвы, эта попытка ему удалась, если судить по той роли, которую сыграл Земский собор в период Смуты, гражданской войны и нашествия интервентов. Отмеченную С. Ф. Платоновым «политическую предусмотрительность» Василия Шуйского, представляется, следует характеризовать как его дальновидность.

Советский исследователь Л.В. Черепнин находит, что Запись Василия Шуйского содержала отказ от «права казнить и миловать» своих подданных по своему личному усмотрению» (произволу – М.Я.) [26. С. 156 – 157].

В.Б. Кобрин усматривает в Подкрестной записи Шуйского впервые выраженное требование наказания «по суду» и «по вине», рассматривая этот документ, как «первый договор царя со своими подданными», являющийся первым в России шагом « к правовому государству» [27. С. 21].

Историк-юрист В.А. Рогов полагает, что корни Подкресной записи «уходят к опричным злоупотреблениям», а «содержащиеся в Записи правовые гарантии касаются всех сословий…Правительство клятвенно обещало проводить политику, обеспечивающую «всему православному христианству тишину, покой и благоденствие». Именно такая формула «отвечала пониманию законного состояния общества всеми сословиями». В.А. Рогов считает, что «юридические гарантии неприкосновенности личности в Крестоцеловальной записи представляют собой уникальное явление» в нашей правовой истории [28. С. 61]. Запись «не содержит никаких традиционных апелляций к Церкви и религии вообще по защите преследуемых через «печалование» перед монархом. Все в ней имеет четкую правовую базу, юридический запрет на преследование без наличия вины. Процедура преследования облекается в конкретные административно-правовые формы» [29. С. 180 – 182]. В.А. Рогов и В.В. Рогов, рассматривают Крестоцеловальную запись, как принципиально новый нормативный акт и, сравнивая ее с Habeas Corpus Act, отмечают, что «аналогичный документ о защите прав личности и юридических гарантиях её неприкосновенности был принят в Англии во время революции на 70 лет позднее…» [30. С. 169 – 170] и получил известность не только в Англии, но и во всем мире.

Крестоцеловальная запись оказывала влияние на содержание нормативных документов на всем протяжении XVII века; ее текст полностью вошло в Договоры с польским королем Сигизмундом III Августом о приглашении королевича Владислава на Московское государство, даже с расширительным толкованием некоторых его положений; в документы Седьмочисленного правительства («Окружные грамоты»), Приговор Земского Собора Первого ополчения, а также получил подробное освещение в Соборном уложении 1649 г.

В определённой мере, основные ее положения не утратили своего значения и в свете сегодняшних дней, да и вообще, не потеряют его, пока в обществе будет сохраняться понятие о правосудии и вера в него.

Удивительным, на мой взгляд, является факт, что этот документ, провозгласивший принципиально важные положения для государственного и уголовного права, не упоминается ни в Программах по «Истории государства и права России», и ни в одном из учебников по этой же дисциплине, тогда как Habeas Corpus Act анализируется в любом историческом курсе.

За время своего короткого царствования Василий Шуйский принял несколько нормативных актов, в которых не отступал от принципов вершения правосудия, изложенных им в Подкрестной записи. Во многом, ему приходилось решать те же проблемы, что и в предшествующих царствованиях. Время было военное, постоянно ощущалась потребность в военных людях, особенно профессионалах, поэтому особенно остро стоял вопрос о военных послужильцах. Указ о запрещении принудительно оформлять служилые кабалы на добровольных холопов вне зависимости от срока их службы» (1606 г.) содержал дополнения к Уложению о полном, докладном, кабальном и добровольном холопстве», принятом в период царствования Федора Иоанновича в 1597 г. в 7-м пункте которого предписывалось: «И которые люди вольные волные послужили у кого недель пять-шесть, а кабал давать на себя не похотят, и тех людей отпущати на волю; а кто скажет, послужил у кого добровольно с полгода и болши, а кабалы на себя дать не похочет, а сыщут, что тот доброволной холоп у того человека служил с полгода, и на тех вольных холопей служилый кабалы давати». (выделено мной. – *М.Я.*) [4. С. 65 – 66].

В указе В.И. Шуйского это ограничение снимается: те «добровольные холопи», которые служат «год или болши, а кабал дати не хотят, ино тех добровольных холопей в неволю давать не велеть, а велеть им [судьям приказа Холопьего суда] тем людям в кабалах отказывати: не держи холопа без кабалы ни одново дни; а держал бескабально и кормил, и то у себя сам потерял» [4. С. 74 – 75].

Тема военных послужильцев активно обсуждалась в публицистике XVI в. К ней обращались Ермолай Еразм [31] и И.С. Пересветов. Служилый воин И. Пересветов, излагая свою программу в аллегорическом жанре с историческими параллелями, предложил в качестве образца для подражания реформы, якобы осуществленные турецким «Магомет-салатном». На самом деле, современники должны были понимать, что речь у Пересветова идёт о насущной потребности в таких преобразованиях в России. Так, «турецкий салтан» вообще уничтожил у себя холопство: «Да велел пред собя книги принести полныя и докладныя да велел их огнем пожещи». Холопство вообще противно божественным законам, но особенно оно наносит ущерб государству, когда холопами становятся воины. «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга; они бо есть порабощены, и тот человек срама не боится, а чести себе не добывает, а рече тако: «Хотя и богатырь или не богатырь, однако, есми холоп государев, иново мне имени не прибудет». Пересветов полагает, что греческий царь Константин потерпел поражение от Османской империи, именно потому, что лучшие его воины были порабощены и потому «против недруга бою крепко не держали и с бою утекали… и иным царем прельщались». «Турский салтан Магомет» уразумел этот опыт и дал своим воинам свободу и эти «волные» воины «против недруга крепко стояли и полки у недругов разрывали и смертельною игрою играли и чести себе добывали» [32. С. 157 – 158].

В царствование Василия Шуйского проблемы с военными послужильцами приняли еще более острый характер. Опричный раздел земли, связанный с переселением большого количества народа, а также перемещения владельцев земель, в связи с предоставлением ее опричникам, привели к оскудению многих поместий и оттоку из них рабочей силы; к этим обстоятельствам еще добавился голод 1601 – 1603 гг. в результате многие помещики-дворяне превращались в добровольных холопов-послужильцев. В повстанческих рядах И.И. Болотникова оказались не только крестьяне, лишившиеся своей земли и жилья, но и многие обедневшие представители дворянского сословия.

Василию Шуйскому в своей политике необходимо было учитывать, сложившуюся в стране обстановку. Причины, побудившие В. Шуйского ужесточить законодательство о сыске беглых изложены в Преамбуле «Соборного уложения о запрещении перехода крестьян и о 15-летнем сроке сыска беглых крестьян» от 9 марта 1607 г. [4. С. 75 – 76]. В ней говорится, что частые перемены в предшествующем законодательстве относительно кре-

стьянского выхода и сроков сыска беглых, привели к тому, «что судии не знали, как по тому суды вершити; и ныне чинятся в том великие разпри и насилия, многим разорения и убийства смертные, и многие разбои и по путем грабления содеяшася и содеваются…». Поэтому правительство постановило: все записанные в книгах крестьяне подлежат возврату своим помещикам в течение 15-летнего срока против прежнего 5-ти летнего срока беглых крестьян. «И впредь за пятнадцать лет о крестьянах суда не давати и крестьян не вывозити». За прием беглого крестьянина устанавливался штраф в размере 10 рублей: «не принимай чужого; да с него же пожилое, тому чей крестьянин. За двор за всякий год по три рубли, а за холостого тоже на год по три рубли». Действие Уложения распространялось и на будущие времена: «А которые после сего Уложения крестьяне, или холоп, или раба побежит от своего государя и придет к иному, и государю искати своего холопа и рабу, и крестьянина в пятнадцати летах, а за пятнадцать лет не искати и суда не давати».

Розыск беглых людей возлагался на наместников, старост, сотских, судей и священников. Беглые крестьяне и холопы подвергались штрафу в размере 10 рублей в казну, «приимщики» беглых – 10 рублей и дополнительно по 3 рубля за каждого члена семьи. Наместники, старосты, судии и другие административные лица, укрывающие беглецов за деньги, должны заплатить указанные штрафы вдвое и быть «от дела отброшены», так чтобы «впредь им ни у какова государева дела не быть» [4. С. 75 – 76].

Однако обстановка в стране оставалась тревожной, недовольство правительством, а главное, условиями жизни, вызвало пополнение рядов повстанцев, в ряды которых вливались крестьяне, холопы и даже некоторые представители дворянства.

Василий Шуйский понял необходимость проявлять со стороны власти гибкость не только по отношению к господствующим классам, но и зависимым слоям населения. В феврале 1608 г. был принят им совместно с Боярской думой, так называемый Статейный список, в котором одновременно решалась судьба: беглых холопов; холопов, попавших в плен и бывших «в измене». Возникла также и необходимость решить вопрос о правовом значении отпускных, выданных холопам Лжедмитрием, а также и некоторых других спорных вопросах, возникавших между холопами и холоповладельцами.

Еще одной из причин принятия этого Списка стали многочисленные обращения помещиков, бравших людей из тюрем «на крепкую поруку» «в Москве, Серпухове и под Тулой» и других разных городах. Они составляли на свое имя кабальные сделки, сажали этих осужденных по приговорам судов людей, на землю, наделяли всем необходимым, но старые их владельцы, находившиеся «измене» и под государевой опалой, разыскав тех людей, бывших у них прежде в холопах, их «ищут на них по старым кабалам». Возникали трудноразрешимые ситуации, когда на одних и тех же людей были кабальные сделки, выданные Холопьим приказом нескольким владельцам.

Царь Василий совместно с боярами решили: «Которые холопи были в воровстве, и государю добили челом, им даны были отпускные», т.е. они были прощены и, полученные по распоряжению государя отпускные имеют юридическую силу, то тех пор пока они «после этого опять не сбежат в воровство», то в этом случае эти отпускные считать недействительными, и эти холопы подлежащими возврату к старым боярам по прежним крепостям. Если же они и «с нынешнего воровства (т .е. в третий раз – М.Я.) прибежат ко государю сами, и тех старым боярам не отдавать, потому что они сами принесли свою вину».

Оставался вопрос о том, как быть с отпускными «даваными при Ростриге». Решили: «тем отпускным, которые даваны при Ростриге, верить; а у кого отпускных нет, тех имати и по крепостям их отдавати старым боярем».

Все спорные вопросы о возвращении беглых крестьян и холопов предлагалось решать только в «приказе Холопьего суда». Итак, получалось, что уклонившихся «в воровство» (в лагерь Тушинского вора) холопов и крестьян прощали до трех раз.

9 марта 1608 г. был принят указ о запрещении пожизненного кабального холопства, согласно которому, холопское состояние может быть только срочным, а не пожизненным.

Пожизненные договора признавались не действительными с запрещением записывать их в книгу Холопьего приказа [4. С. 77].

Указом от 19 марта 1608 г. дьякам Холопьего приказа приказано навести порядок во владении холопами, предложив всем владельцам, у которых холопы жили без оформления крепостей, внести соответствующие записи в книги Холопьего приказа, повторив еще раз, что кабальные сделки могут иметь только временный характер, и быть заключены на определенный срок, а не пожизненно («до своего живота»). В том случае, если холоп жил у прежнего хозяина без оформления кабалы, а затем перебежал к новому хозяину и тот оформил на него кабальную сделку, то дело должно быть решено в пользу того, у которого на руках письменные документы зарегистрированные в Холопьем приказе.

Одним из последних нормативных актов был, принятый Василием Шуйским, наказ о судебных и торговых пошлинах со стрельцов.

Этим наказом предписывалось судить стрельцов в делах «со сторонними людьми в бою, и в грабежу» в своем приказе «и управу меж их чинить», кроме разбоя. Разбойные дела подлежат рассмотрению в Разбойном приказе. От судебных пошлин по всем [уголовным] делам стрельцы, как военные люди, освобождались. В гражданских делах по иску к стрельцам сторонних людей стрельцы платят пошлины «с рубля по гривне».

Наказ предоставлял стрельцам льготу в «промышлении своим рукодельем», освобождая их от пошлин и предоставляя им право «от полтины и от рубля» торговать «безтоможно и беспошлино»; при торговле больше рубля и в своей лавке на них возлагалось «полавочное, и пошлины в государеву казну» как и всем остальным людям [4. С. 78].

Таким образом, правительство проявило заботу о стрельцах, предлагая им возможность иметь доходы «от своего рукоделья», не взимая с них пошлин, что, безусловно, имело значение для поддержки материального положения стрельцов, так как оплата их труда государством носила нерегулярный характер и часто надолго задерживалась.

Указом от 21 мая 1609 г. подтверждалось положение о том, что при наличии кабалы на одного человека, в случае его смерти, члены семьи получают отпускные «и кому они учнут на себя давати служилые кабалы, тому они и холопы». Если члены семьи записаны в кабальную сделку, то они остаются за тем государем «у кого они в холопстве родились».

Указом 1609 г. царь Василий, поговорив с патриархом и боярами, наградил всех бояр и дворян из разных городов, сидевших с ним на Москве в осаде, и не отъехавших «к вору» и не изменивших государю, за службу и за осадное сидение поместьями и вотчинами. Это был последний указ Василия Шуйского [4. С. 78].

Таким образом серией законодательства о кабальных людях Василий Шуйский, как никто до него, навел порядок, в заключении кабальных сделок в письменной форме с обязательной регистрацией в Холопьем приказе, а также поименовал все случае недействительности кабальных сделок. Поднятое в его указах значение письменных документов и их приоритет перед всеми иными видами доказательств, распространился и на практику рассмотрения других дел в судах. Разыскивать и требовать виндикации своего земельного владения стало возможным только при наличии письменных доказательств, притом оформленных соответствующим образом. Если ранее встречались единичные упоминания о рассмотрении дел на основании письменных доказательств, то теперь такая практика приобрела повсеместный характер, получила правовое оформление и окончательно вытеснила такие доказательства как «поле» и крестное целование».

Нормативные акты, принятые Василием Шуйским, во многом, носили половинчатый и компромиссный характер, но таково было время, и те чрезвычайные условия, в которых он, волею судеб, оказался.

При рассмотрении настоящей темы, во внимание принимались только отдельные нормативные акты: указы, уложения, соборные приговоры, которыми правители, сидевшие на троне Московского государства в конце XVI – начале XVII вв., пытались стабилизировать положение в стране, восстановить утраченную за годы опричнины законность и

правосудие и спасти страну от гражданской войны. Не все им удалось, но они приняли законы, заслуживающие нашего внимания, поскольку в них содержались серьезные попытки сословного примирения и восстановления законного порядка в стране.

В этот же период были приняты два больших законодательных сборника: Судебник 1589 г. при царе Федоре Иоанновиче для губерний русского Севера, отличавшийся демократическим характером, и Сводный Судебник 1606/1607 гг. составленный по новой, более высокой юридической технике, ранее неизвестной русским законодателям, оказавшей серьезное влияние на членов приказа Н.И. Одоевского при составлении Соборного Уложения 1649 г. Этим правовые документы долгое время оставались в забвении, несмотря на их высокие юридические достоинства, и влияние, оказанное ими на последующее развитие права в России. Большой объем этих Судебников и отсутствие в советской и российской науке, посвященных им исследований, позволяют выделить их в отдельную тему, [которую, если позволят обстоятельства, я готов предложить Вашему уважаемому изданию].

Принятые в статье сокращения:

ААЭ	–	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук
ВЮЗИ	–	Всесоюзный заочный юридический институт
МГИУ	–	Московский государственный индустриальный университет
РЗ	–	Российское законодательство
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
РИБ	–	Русская историческая библиотека
Стб	–	столбец

Литература и комментарии

1. *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969.
2. *Штамм С. И.* Судебник 1497 г. М: Юриздат, 1957.
3. Российское законодательство X – XX вв. М: Юридическая литература, 1985. Т. 2. Ст. 98.
4. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. / Под ред. Н.Е. Носова. Л: Наука, 1986.
5. *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. М: МГУ, 1988.
6. *Курбский А. М.* Предисловие к Новому Маргариту // БЛДР. СПб.: Наука, 2001. Т. 11.
7. *Курбский А. М.* История о великом князе Московском. М.: УРАО, 2001. С. 104: «… делают это не руками палачей, но сами руки кровавят и режут людей на части».
8. Временник Ивана Тимофеева. М.–Л: АН СССР, 1951. (текст и перевод). Публикация и перевод О.А. Державиной.
9. Сказание Авраамия Палицына. М.–Л., АН СССР, 1955. Публ. текста О. А. Державиной и Е .В. Колосовой.
10. *Горсей. Дж.* Записки о Московии. М. 1909.
11. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника // Источники истории. Рязань: «Александрия», 2005. Г. Штаден писал, «если какой-либо опричник обвинял любого из земских в том, что тот должен ему будто бы некую сумму денег, и хотя до этого опричник совсем не ведал и не знал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока он не заплатит».
12. Хронограф 1617 года // РИБ. Т. XIII. Изд. 2. СПб., 1909. Стб. 1276.
13. *Горсей. Дж.* Сокращенный рассказ или Мемориал путешествий / Сб. Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986.
14. *Масса Исаак.* Краткое известие о Московии. М.: Соцэгиз. 1937.

15. *Срезневский И. И.* Четь, четька – четвертка: Материалы для Словаря древнерусского языка. М: 1902. Т. III. Стб. 1512.
16. *Исаев И. А.* История государства и права России. Изд.4. М: Проспект, 2009.
17. Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000.
18. *Скрынников Р. Г.* Русская история IX – XVII вв. СПб.: Весь мир, 2006.
19. Полное собрание русских летописей. Т. XIV. СПб., 1918.
20. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук. Т. II. № 44.
21. Подкрестная (Крестоцеловальная, Клятвенная) запись Василия Шуйского. М: Советская Россия, 1984.
22. *Чичерин Б. Н*. О народном представительстве. М., 1866.
23. *Ключевский В. О*. Сочинение в девяти томах: Курс русской истории. Ч. II. М: Мысль, 1988.
24. *Ключевский В. О*. Боярская дума Древней Руси. Изд. 3. М., 1902.
25. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. М: Соцэгиз, 1937.
26. *Черепнин Л. В*. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М: Наука, 1978.
27. *Кобрин В. Б.* Лжедмитрий I // Родина. 2005. № 11.
28. *Рогов В. А.* Уголовное право и карательная политика в русском государстве XV – XVI вв. М.: ВЮЗИ, 1990.
29. *Рогов В. А*. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. М.: Юрист, 1995.
30. *Рогов В. А., Рогов В. В*. Древнерусская правовая терминология. М.: МГИУ, 2006.
31. *Парфёнов А*. Влияние идей Ермолая-Еразма на строительство вооруженных сил Московского государства в 50-х годах XVI века // История государства и права. 2010. № 18.
32. *Пересветов И*. Сочинения. М.: АН СССР, 1956. [Публ. А. А. Зимина].

Yahyaev Muslim Ruslanovich, teacher secondary and legal disciplines, North Caucasian Institute (branch) of Russian state University of justice "Russian legal Academy of the Ministry of justice of Russia» (87, Agasieva St., Mahachkala, 367008, Russian Federation).

E-mail: adako28@yandex.ru

GOVERNMENT LEGISLATION END OF XVI – XVII CENTURIES

Abstract

This article attempts to analyze the aggregate of certain regulations adopted in the reign of Fedor Ivanovich, Boris Godunov, False Dmitry and Vasily Shumsky. First of all, these rulers have taken measures to restore justice in the country, completely disturbed at the time of Tsar Ivan IV «oprichnina» events. The division of land in the devastation and land half, numerous relocations, touching not only farmers, but also landowners, led " devastation land," a drop of productivity and massive social confrontations. In subsequent years, Much has been done to restore the state of law and social cohesion. Not all succeeded, but regulations (decrees, sentences, Council Code) deserve careful reading and study, the more so that the historical and legal literature, the body of legislation has never paid attention taken in this direction, but in the meantime, they had a serious influence on the further development of law in Russia.

Keywords: *normative acts, statute books, decrees, sentences, Council Code, laws, onerous transactions, estates, estates, court orders serfs, peasants, serfs.*

References

1. *Nosov N. E.* Stanovlenie soslovno-predstavitel'nyh uchrezhdeniy v Rossii. Izys-kaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo. L.: Nauka, 1969.

2. *Shtamm S. I.* Sudebnik 1497 g. M: Yurizdat, 1957.
3. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X – XX vv. M: Yuridicheskaya literatura, 1985. T. 2. St. 98.
4. Zakonodatel'nye akty russkogo gosudarstva vtoroy poloviny XVI – pervoy poloviny XVII vv. / Pod red. N.E. Nosova. L: Nauka, 1986.
5. *Gerbershtein Sigizmund*. Zapiski o Moskovii. M: MGU, 1988.
6. *Kurbskiy A. M*. Predislovie k Novomu Margaritu // BLDR. SPb.: Nauka, 2001. T. 11.
7. *Kurbskiy A. M*. Istoriya o velikom knyaze Moskovskom. M.: URAO, 2001. S. 104: «… delayut eto ne rukami palachey, no sami ruki krovavyat i rezhut ludey na chasti».
8. Vremennik Ivana Timofeeva. M.- L: AN SSSR, 1951. (tekst i perevod). Publikaciya i perevod O.A. Derzhavinoy.
9. Skazanie Avraamiya Palitsyna. M.-L., AN SSSR, 1955. Publ. teksta O. A. Derzhavinoy i E .V. Kolosovoy.
10. *Gorsey. Dzh.* Zapiski o Moskovii. M. 1909.
11. *Shtaden G*. O Moskve Ivana Groznogo. Zapiski nemtsa oprichnika // Istochniki istorii. Ryazan': «Aleksandriya», 2005. G. Shtaden pisal, «esli kakoy-libo oprichnik obvinyal lubogo iz zemskih v tom, chto tot dolzhen emu budto by nekuyu summu deneg, i hotya do etogo oprichnik sovsem ne vedal i ne znal obvinyaemogo im zemskogo, zemskiy vse zhe dolzhen byl uplatit' oprichniku, inache ego ezhednevno bili publichno na torgu knutom ili batogami do teh por, poka on ne zaplatit».
12. Hronograf 1617 goda // RIB. T. XIII. Izd. 2. SPb., 1909. Stb. 1276.
13. *Gorsey. Dzh*. Sokraschenniy rasskaz ili Memorial puteshestviy / Sb. Rossiya XV – XVII vv. glazami inostrancev. L.: Lenizdat, 1986.
14. *Massa Isaak*. Kratkoe izvestie o Moskovii. M.: Socegiz. 1937.
15. Sreznevskiy I. I. Chet', chet'ka – chetvertka: Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka. M: 1902. T. III. Stb.1512.
16. *Isaev I. A.* Istoriya gosudarstva i prava Rossii. Izd.4. M: Prospekt, 2009.
17. Polnoe sobranie russkih letopisey. T. XIX. M., 2000.
18. *Skrynnikov R. G*. Russkaya istoriya IX – XVII vv. SPb.: Ves' mir, 2006.
19. Polnoe sobranie russkih letopisey. T. XIV. SPb., 1918.
20. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossiyskoy imperii Arheograficheskoy ekspedicieyu imperatorskoy Akademii nauk. T. II. № 44.
21. Podkrestnaya (Krestoceloval'naya, Klyatvennaya) zapis' Vasiliya Shuiskogo. M: Sovetskaya Rossiya, 1984.
22. *Chicherin B. N*. O narodnom predstavitel'stve. M., 1866.
23. *Kluchevskiy V. O.* Sochinenie v devyati tomah: Kurs russkoy istorii. Ch. II. M: Mysl', 1988.
24. *Kluchevskiy V. O*. Boyarskaya duma Drevney Rusi. Izd. 3. M., 1902.
25. *Platonov S. F*. Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI – XVII vv. M: Socegiz, 1937.
26. *Cherepnin L. V.* Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI – XVII vv. M: Nauka, 1978.
27. *Kobrin V. B*. Lzhedmitriy I // Rodina. 2005. № 11.
28. *Rogov V. A.* Ugolovnoe pravo i karatel'naya politika v russkom gosudarstve XV – XVI vv. M.: VUZI, 1990.
29. Rogov V. A. Istoriya ugolovnogo prava, terrora i repressiy v Russkom gosudarstve XV – XVII vv. M.: Yurist, 1995.
30. *Rogov V. A., Rogov V. V*. Drevnerusskaya pravovaya terminologiya. M.: MGIU, 2006.
31. *Parfenov A*. Vliyanie idey Ermolaya-Erazma na stroitel'stvo vooruzhennyh sil Moskovskogo gosudarstva v 50-h godah XVI veka // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 18.
32. *Peresvetov I.* Sochineniya. M.: AN SSSR, 1956. [Publ. A. A. Zimina].